

Евгений Владимирович ЧЕРНИКОВ
 родился в 1985 году в Каменске-Уральском
 Свердловской области.
 Окончил философский факультет
 Уральского государственного университета
 им. А.М. Горького (2009).
 Стихи публиковались в журналах
 «Арион», «Нижний Новгород»,
 «Наш современник», «День и ночь»,
 в альманахах и коллективных сборниках.
 Автор книг стихотворений «Сквозь шум» (2011),
 «Беда» (2013), «Песочные часы» (2016).
 Лауреат нескольких литературных конкурсов.
 Член Союза писателей России (2013).
 В журнале «Север» публикуется впервые.

**Евгений
 ЧЕРНИКОВ**
 г. Каменск-Уральский

*«Сентября
 печальное тепло...»*

* * *

Мир состоит из маленьких вещей,
 из пропасти занятных мелочей:

крупниц, песчинок, зёрнышек, пылинок,
 и росных капель, и тугих былинки.

Из тех кровинки, что мой нос пролил,
 когда с соседом парту я делил.

Из юрких, будто ящерки, минут,
 которые сквозь пальцы прошмыгнут.

* * *

Росно, ознобисто, дымно.
 Мокрые пряди тенёт*.
 Солнце надкушенной дыней
 Над Монастыркой встаёт.

День предвещают погожий
 Взятые паром стога.
 Осень, как замысел Божий,
 вся — и чиста, и строга.

Смертная русская воля!
 Зябко в юдоли земной.
 Выйдешь в озимое поле —
 плещут крыла за спиной.

* Тенёта — паутина.

* * *

Сентября печальное тепло
 через край небесный потекло,
 и живу, согретый только им —
 неземным дыханием Твоим.
 Однодневкой-бабочкой кружусь —
 ни на что я больше не гожусь.
 Принимаю как последний дар
 слова настоявшийся нектар,
 и гудит хмельная голова...

А наутро — снег и минус два.

* * *

Осенний покой — особый,
 урвать бы еще денёк!
 Ржавеет в воде осока,
 шиповника огонёк
 горит — и по всем приметам
 близятся холода...
 Спешу надыхаться светом
 на зиму, навсегда.

* * *

На подоконнике в солдатиков играл:
то пленник был, то бравый генерал.

Среди цветов — в тропическом лесу —
в атаку шёл с винтовкой на весу

и падал под столетник, в мягкий мох;
мгновенье — и живым подняться мог.

А бабушка ворчала: — Не балуй!
Ужели мало места на полу?..

Меня оберегала — не стекло.
...Сто лет промчало, в землю утекло,

и не вернуть невинной той поры:
мой друг в окошко вышел из игры.

На Божьем подоконнике стою —
и радостно, и страшно на краю.

* * *

Я видел забор, сколоченный из дверей,
и каждая дверь казалась другой старей:

вот эту при Брежневе пьяный пинал ногой,
а та при Хрущёве вышла недорогой.

А к этой прильнувши — ну до чего тонка! —
при Сталине ждали каждую ночь звонка.

За каждой кипели борщи, и кипела страсть,
смеялись дети, и нечего было красть.

А ныне стоят преградою на пути,
и ни в одну из них уже не войти.

* * *

Вспоминаю свой весёлый дворик,
карусели вечное вращенье...
Не опишет ни один историк
родниковой тайны возвращенья.

Через годы — к солнечным истокам,
к «ножичкам» и пряткам у сарая.
И соседи выглянут из окон,
будто их вернёт земля сырая.

В памяти, как в стёклышке заветном,
зеленой трава и небо выше.
Тридцати с лишком — четырёхлетним
я сегодня на прогулку вышел.

* * *

Собирали с бабушкой цветы,
проводили солнце золотое —
эта память дорогого стоит:
посреди житейской темноты
осторожным лучиком ведёт,
не даёт душе осатаниться;
как же страшно, если пропадёт
бытия начальная страница!..

— Часики, — гвоздику назвала,
и кипрей Иваном окрестила.
На руки, сердечная, взяла.
Ласточкой на волю отпустила.

* * *

Вечерял на кухне в одного:
ни жены, ни друга — никого.
Лишь картошка со сковороды
за мои дневные за труды.
Лишь часов полуночный набат,
лампа-уголёк в пятнадцать ватт,
да звезда, дрожащая в окне...
Неужели помнят обо мне?